

Лопатин Лев Михайлович

Вопрос о свободе воли

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Михайлович Л.**
Вопрос о свободе воли / Лопатин Лев Михайлович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 102 с.

ISBN 978-5-519-93889-1

ISBN 978-5-519-93889-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

отъ какихъ-либо гипотетическихъ предположеній метафизическаго или психологическаго свойства.

Детерминисты говорятъ: предположеніе о свободѣ нарушаетъ самое основное требованіе закона причинности. Это требованіе просто: всякое дѣйствіе или всякое явленіе должно имѣть предшествующую ему причину; каждое рѣшеніе воли есть нѣкоторое явленіе нашей внутренней жизни; слѣдовательно, и акты воли вызываются причинами, заранѣе предопредѣляющими всѣ ихъ признаки. Это заключеніе неизбежно, и возставать противъ него значитъ отрекаться отъ всякой логики. А между тѣмъ для такого противорѣчія самоочевидной истинѣ не существуетъ даже и тѣхъ практическихъ основаній, на которыя обыкновенно такъ настойчиво ссылаются. Идея чистаго произвола вовсе не предполагается нашими нравственными понятіями. Утверждаютъ, что произвольность нашихъ дѣйствій — единственная опора ихъ вѣнчяемости, — на самомъ дѣлѣ она представляетъ совершенное отрицаніе всякой вѣнчяемости. По теоріи абсолютнаго произвола выходитъ, что человѣкъ въ каждый данный моментъ можетъ поступить какъ угодно, и это ему нисколько не помѣшаетъ совершить въ слѣдующій моментъ прямо противоположное дѣйствіе. Человѣкъ, недавно святой, сейчасъ можетъ убить ближняго, черезъ минуту опять вернуться къ святости, а завтра сдѣлать что-нибудь еще болѣе мерзостное, чѣмъ сегодня; злодѣю ничто не препятствуетъ немедленно выказать чудеса самоотреченія, чтобы на другой день снова удивить всѣхъ ужасными преступленіями. Если міръ такъ устроенъ,

о какой еще толковать отвѣтственности нашихъ актовъ? Тогда всѣ наши дѣйствія совсѣмъ случайны, они исчезаютъ вмѣстѣ съ своимъ совершеніемъ и не выражаютъ никакихъ неизмѣнныхъ признаковъ нашего внутренняго существа. За что кого-нибудь наказывать или зачѣмъ душевно сокрушаться о прежнихъ грѣхахъ? Вѣдь тогда все въ нашихъ дѣяніяхъ бессмысленно, именно потому, что все въ нихъ—произвольно.

Защитники нравственной свободы на это отвѣчаютъ: понятіе свободы неизбѣжно подразумѣвается самымъ элементарнымъ смысломъ закона причинности. Законъ причинности научаетъ насъ, что все существующее имѣетъ достаточное основаніе своего возникновенія, т. е. порождено силою, дѣйствительно содержащею *полноту* условій его бытія. Но тогда никакая причина, которая сама есть слѣдствіе причины предшествующей, не есть причина *настоящая*, — ея причинный характеръ ей данъ извнѣ, онъ есть только продолженное дѣйствіе раньше проявленной силы и внѣ связи съ этимъ болѣе раннимъ дѣйствіемъ никакой реальности не имѣетъ; отдѣльно взятая она никакъ не можетъ быть названа *достаточнымъ основаніемъ* даннаго событія. А это значитъ, что безконечный рядъ другъ друга порождающихъ причинъ есть совершенно призрачное объясненіе для явленій современныхъ. Мы просто устаемъ повторять въ своемъ умѣ одни и тѣ же отношенія и отдаемся смутной надеждѣ, что безконечность какъ-то исправитъ то, чего не хватаетъ каждому отдѣльному члену ряда. Мы совсѣмъ забываемъ, что если каждый такой членъ имѣетъ реальность заимствованную, а не свою, и если со-

всѣмъ нѣтъ того, откуда эта заимствованная реальность въ послѣднемъ основаніи почерпается,—мы получаемъ, вмѣсто безконечнаго *причиннаго* ряда, рядъ *безконечно безпричинный*, т. е. открытую нелѣпость предъ судомъ здраваго разума. И такъ существуютъ нѣкоторыя *окончательныя* причины въ мірѣ, которыя сами въ себѣ посятъ инициативу своихъ проявленій. Наше я принадлежитъ-ли къ числу такихъ причинъ,—самодѣятельность и способность инициативы составляютъ-ли наши свойства? Наше непосредственное сознаніе неумолкаемо свидѣтельствуетъ объ этомъ каждую минуту. Признаемъ это сознаніе за психическую иллюзію,—и не только предписанія этики, а и вообще всякое стремленіе къ самостоятельному воздѣйствію на жизнь теряютъ смыслъ. Вѣдь прежде, чѣмъ стремиться какъ-нибудь поступать, надо вѣрить, что мы *можемъ поступать* вообще. Сами мы дѣйствуемъ или природа въ насъ дѣйствуетъ,—дѣйствуетъ всѣмъ своимъ безконечнымъ прошлымъ, въ которомъ мы никакого участія не принимали,—а мы только мимолетная форма актовъ, отъ вѣка предопредѣленныхъ? Если вѣрно послѣднее, человѣкъ, думающій, что онъ что-то вноситъ въ дѣйствительность своими рѣшеніями и личными усиліями ничѣмъ не отличается отъ щепки въ водоворотѣ, которая вдругъ возмечтала-бы, что это ей самой захотѣлось такъ кружиться и метаться изъ стороны въ сторону. Гдѣ фатализмъ, тамъ нѣтъ мѣста серьезнымъ стремленіямъ къ осуществленію нравственнаго идеала, а фатализмъ и детерминизмъ нераздѣльны.

Даже изложенные въ такомъ общемъ видѣ аргументы обѣихъ сторонъ представляются очень вѣскими. Но уже Кантъ понялъ, что доказательная сила этихъ двухъ противоположныхъ взглядовъ заключается во взаимныхъ упрекахъ, которые они одинъ другому дѣлаютъ. Неизбѣжнымъ предположеніемъ является одно изъ двухъ: или вопросъ совсѣмъ неразрѣшимъ; или онъ просто поставленъ односторонне и ложно, что и влечетъ за собою противорѣчивость всякихъ положительныхъ отвѣтовъ на него. Тогда онъ, очевидно, долженъ быть преобразованъ и перенесенъ на другую, болѣе широкую почву, которая допускала-бы его разрѣшеніе въ примирительномъ духѣ.

Изъ этого сознанія возникаетъ цѣлый рядъ примирительныхъ построеній, которыхъ особенно много появилось въ нынѣшнемъ столѣтіи и концѣ прошлаго. Привсемъ ихъ разнообразіи, ихъ можно, какъ мнѣ кажется, раздѣлить на два общіе типа. Одинъ можно назвать *Сократовскимъ*, (потому что Сократъ первый высказалъ его основную мысль, хотя и не тѣмъ языкомъ, какимъ выражаютъ ее напр. Фулье во Франціи, или гр. Л. Н. Толстой у насъ),—другой *Канто-Шопенгауэровскимъ*.

Мыслители Сократовскаго типа рассуждаютъ такъ: Свобода есть синонимъ разумности. Свободно лишь то существо, которое одарено разумомъ, т. е. въ которомъ живетъ способность отвлеченныхъ идеаловъ и принциповъ. Наши идеи нельзя считать только чисто-субъективными и страдательными состояніями нашего сознанія. Какъ и всякія другія состоянія души, идеи стремятся къ реализаціи во внѣ, идеи—это дѣйствитель-

ныя силы и ихъ вліяніемъ человѣкъ освобождается отъ порабощенія низшимъ влеченіямъ своей природы; такую свободу человѣкъ получаетъ въ познаніи. Нельзя знать что-нибудь за хорошее и поступать какъ разъ противно этому. Нравственное совершенство является прямымъ результатомъ мудрости. Зло есть невѣжество, непониманіе истинныхъ условій счастья,—плохой расчетъ. Подлинная сила этики въ познаніи,—на немъ и надо ее обосновывать.

Предѣлы моего сообщенія не позволяютъ мнѣ долго остановиться на разборѣ этой теоріи. Укажу ея главный недостатокъ: она обходитъ вопросъ вмѣсто того, чтобъ его рѣшать,—въ томъ, что она представляетъ вѣрнаго, она описываетъ фактъ, вмѣсто того, чтобы объяснить его значеніе. Она вся опирается на ту психологическую истину, что мотивы идеальные могутъ побѣдить мотивы чувственные,—что человѣкъ, однажды рѣшившійся слѣдовать предписаніямъ своего нравственного сознанія, можетъ оказаться совершенно неуязвимымъ для самыхъ настоятельныхъ побужденій своего эгоизма. Безспорно это бываетъ такъ; но вѣдь все дѣло въ томъ, что же это означаетъ? Допустимъ только, что всѣ процессы нашего ума представляютъ неизбѣжный продуктъ механическихъ процессовъ въ нашемъ мозгу и ничего болѣе, и всѣ нравственныя противорѣчія детерминизма возвращаются въ полномъ объемѣ. Тогда всѣ акты нашего духа окажутся предопредѣленными автоматическимъ ходомъ природы, наше я превращается въ иллюзію нашего сознанія, всѣ наши старанія совершить что-нибудь зависящее только отъ

насъ и безъ нашей самодѣтельности невозможное— являются призрачными. Фатализмъ, съ его убійственнымъ вліяніемъ на энергію нравственной воли, получаетъ полное торжество. Напротивъ, припишемъ нашему и способности самопочиннаго воздѣйствія на содержаніе нашей мысли,—и картина мѣняется совершенно. Идеаль, нами преслѣдуемый, будетъ дѣйствительнымъ продуктомъ нашего творчества; наша личность явится реальнымъ источникомъ нашихъ актовъ, понятіе о долгѣ получитъ глубокое оправданіе въ условіяхъ человѣческаго бытія. Что-же видимъ? Теорія, отождествляющая свободу съ разумностью, допускаетъ *два толкованія*,—прямо противоположныя и притомъ вполне обусловленныя тѣмъ,—признаемъ мы свободу воли или ее отрицаемъ? Эта теорія мечтаетъ примирить враждующія партіи въ нѣкоторомъ среднемъ рѣшеніи вопроса. Но средство, ею употребляемое, слишкомъ просто: она отворачивается отъ задачи и тѣмъ думаетъ уничтожить ея трудность.

Гораздо глубже и оригинальнѣе въ философскомъ отношеніи другая теорія, — родоначальникомъ которой былъ Кантъ и которая свою послѣдовательную и окончательную обработку получила въ системѣ Шопенгауэра. Если освободить ее отъ гносеологическихъ предпосылокъ Канта — (съ которыми она въ необходимой связи не находится, чему доказательствомъ служить тотъ фактъ, что ее иногда проповѣдывали вовсе не кантіанцы, напр. въ Германіи Шеллингъ или у насъ В. С. Соловьевъ, усвоившій ее во всѣхъ послѣдствіяхъ въ своей „Критикѣ Отвлеченныхъ Началъ“),—то ея общій смыслъ состоитъ въ слѣ-

дующемъ: Необходимость никакъ не исключаетъ свободы, напротивъ *подразумываетъ* свободу, какъ свое подлинное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ,—когда начинаются необходимыя отношенія между явленіями и когда дѣлается возможнымъ существованіе необходимыхъ законовъ природы? Лишь тогда, когда уже даны силы, устанавливающія неизмѣнные признаки явленій и общее направленіе ихъ развитія,—безъ этого не было-бы и никакихъ законовъ. Поэтому можно сказать: явленія въ своемъ ходѣ подчиняются строгимъ законамъ, но эти законы, совокупность которыхъ составляетъ феноменальную необходимость всего совершающагося, въ свою очередь всецѣло зависятъ отъ дѣйствія изначальныхъ силъ, ихъ создающихъ и поэтому въ отношеніи къ нимъ свободныхъ. Напр. механическіе законы природы могутъ прилагаться тогда только, когда даны непроницаемость, инерція, протяженность тѣлъ. Но непроницаемость, инерція, протяженность не порождаются сами предшествующимъ механическимъ процессомъ, а наоборотъ всякій такой процессъ впервые обуславливаютъ. Существованіе этихъ коренныхъ свойствъ вещества есть нѣчто первоосновное, данное отъ вѣка. Актъ, полагающій ихъ реальность,—припишемъ-ли мы его многимъ дѣтелямъ или единой міровой сущности—*воля*, какъ думалъ Шопенгауэръ,—въ отношеніи къ вытекающей изъ него необходимости *творчески—свободенъ или самопочиненъ*. Дѣйствительность феноменальная (въ наблюдаемомъ мірѣ), хотя бы она въ мельчайшихъ явленіяхъ своихъ осуществляла роковые законы механическаго сцѣпленія движеній,—предполагаетъ дѣйстви-

тельность умопостигаемую (ноуменальную), которая утверждает феномены въ ихъ бытіи и качествахъ и поэтому совершенно независима отъ господствующей въ нихъ необходимости. Что вѣрно о всей вселенной, то справедливо и о каждомъ человѣкѣ. Съ одной стороны человѣкъ — рабъ своего характера, — онъ всецѣло подчиненъ своимъ стремленіямъ и свойствамъ, онъ не можетъ измѣнить коренного направленія своей воли и отвѣчаетъ на всѣ внѣшнія возбужденія сообразно съ нимъ. Но человѣкъ не только явленіе во времени и пространствѣ; какъ и вездѣ, внутри его живетъ умопостигаемое существо, и оно-то и составляетъ основу его личности. Прирожденный характеръ человѣка есть феноменальное выраженіе вѣковѣчнаго и свободного акта, который совершаетъ его сверхчувственное я; этимъ объясняется, что люди могутъ чувствовать свою виновность даже и тогда, когда они знаютъ, что не могли-бы поступать иначе. Детерминизмъ не противорѣчитъ свободѣ, — потому что внѣшняя необходимость явленій, хотя-бы она захватывала все совершающееся на свѣтѣ, — нисколько не исключаетъ внутренней свободы силъ, которыя въ эти явленія облекаются.

Повторяю, разсматриваемая теорія производитъ большое впечатлѣніе своею оригинальностью, и безспорно она представляетъ одно изъ самыхъ блестящихъ и прочныхъ созданій Кантовскаго генія. По моему глубокому убѣжденію, въ ея общей точкѣ отправленія выражается очень важная метафизическая истина, которая одна можетъ доставить руководящую нить въ лабиринтѣ безъисходныхъ противорѣчій, которыя издавна раздѣ-

ляютъ метафизиковъ различныхъ оттѣнковъ. Но когда обратимся къ ея нравственному смыслу, наше сужденіе значительно поколеблется. Ея односторонность и неполнота сразу бросаются въ глаза. Кантъ выставилъ свое ученіе объ умопостигаемомъ характерѣ, какъ рѣшительный противовѣсъ нравственному фатализму, онъ надѣялся имъ спасти идею долга и вдохновенное стремленіе къ воплощенію въ жизни нравственного идеала,— на дѣлѣ, конечно, былъ болѣе правъ Шопенгауэръ, когда обратилъ его въ фундаментъ своего безотраднaго пессимизма. Фатализма Кантъ нисколько не устранилъ, онъ только придалъ ему видъ чрезвычайно мучительный. Его теорія не оправдываетъ самаго главнаго—способности человѣка стать другимъ и дать новое направление своей волѣ. Съ этой точки зрѣнія, нравственныя предписанія только дразнятъ человѣка, раскрываютъ передъ нимъ его паденіе, но ничѣмъ помочь ему не могутъ; вся жизнь превращается въ какое-то представленіе маріонетокъ, бессмысленно повторяющее величавую драму, отъ вѣка совершившуюся въ безвременномъ умопостигаемомъ мірѣ. Кантъ всячески уклоняется отъ этого вывода, но онъ неизбежно слѣдуетъ изъ его основныхъ предположеній. Картина выходитъ настолько мрачная, что даже и самъ Шопенгауэръ не могъ на ней серьезно успокоиться: онъ разрушаетъ свою теорію въ самомъ существенномъ пунктѣ, признавъ возможнымъ абсолютное самоотреченіе личности отъ своей злой воли.

Итакъ, попытки среднихъ, примирительныхъ рѣшеній въ своихъ результатахъ оказываются неудачными. Во-

прось о свободѣ сохраняется для философской мысли въ своей полной неприкосновенности, и, нужно прибавить, въ своемъ своеобразномъ *трагизмѣ*. Дѣйствительно, его можно назвать *трагическимъ* вопросомъ въ философіи; уже болѣе двухъ столѣтій во всѣхъ спорахъ, сосредоточенныхъ вокругъ него, происходитъ коллизія двухъ интересовъ, одинаково серьезныхъ для нашего ума: теоретическій интересъ заставляеть горячо отстаивать распространеніе закона причинности на всѣ явленія міра; практическій—принуждаетъ насъ защищать самодѣятельность человѣческой личности. Отрицаніе причинности есть отрицаніе знанія; отрицаніе свободы есть отрицаніе нравственной жизни. Выходить, что мы однимъ интересомъ должны непременно пожертвовать другому, и отъ насъ зависитъ, какой изъ двухъ мы выберемъ. Можно ли считать такое положеніе нормальнымъ и окончательнымъ?

Еслибъ это было такъ, человѣческое сознаніе оказывалось-бы осужденнымъ на вѣчное противорѣчіе съ собою при разсмотрѣніи вещей, наиболѣе для него важныхъ. Такой печальный выводъ можно было-бы сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, еслибъ всѣ возможныя попытки къ положительному разрѣшенію противорѣчія были уже навѣрное испробованы. А какъ доказать, что всѣ мыслимыя возможности въ какой-нибудь сферѣ исчерпаны до конца? Не основывается-ли все противорѣчіе на одномъ недоразумѣніи,—хотя и укоренившемся, но всетаки устранимомъ? Достаточно-ли правильно и широко понимаемъ мы интересы разума и нравственного чувства? И если нѣтъ, то гдѣ искать источникъ недоразумѣнія,—